

Міністерство освіти і науки України
Житомирський державний університет імені Івана Франка

ЖИТОМИР
«Полісся»
2013

A. Zepoly

Галина СОБОЛЕВСЬКА

**ЧЕХОВ -
ОПОВІДАЧ І ДРАМАТУРГ.
ПОПЕРЕДНИКИ ТА НАСЛІДУВАЧІ**

УДК 821.161.1: 82.2 «19/20»
ББК 83.3 (2 рос) 1
С-54

*Надруковано за ухвалою Вченої ради
Житомирського державного університету ім. І. Франка
(протокол № 10 від 27 травня 2011 року)*

Рецензенти:

Петро Васильович Білоус,

доктор філологічних наук, професор.

Володимир Олегович Єршов,

доктор філологічних наук, професор.

Луїза Костянтинівна Оляндер,

доктор філологічних наук, професор.

Г. І. Соболевська. Чехов – оповідач та драматург. Попередники та наслідувачі. Науковий збірник. – Житомир : Вид-во «Полісся», 2013. – 242 с.

ISBN 978-966-655-680-9

У збірнику розглядається динаміка жанрових форм у творчості А. П. Чехова на широкому тлі літературного контексту доби. Своєрідність наукового дослідження полягає у порівняльному аналізі чеховських оповідальних і драматургічних жанрів, що створює цілісне, синтезуюче сприйняття художньої індивідуальності письменника. У низці статей чеховські жанри розглядаються не як типологічно сталі, а у процесі їх руху: від збірників-циклів через романні пошуки до повісті; від одноактних етюдів до драми крупної форми. Одночасно висвітлюється діалектика міжродових зв'язків (епос-драма) у творчості А. П. Чехова.

Книга призначена для спеціалістів-філологів, студентів, аспірантів: всіх, хто цікавиться російською та зарубіжною літературою.

ISBN 978-966-655-680-9

© Г. Соболевська, 2013.

ЗМІСТ

А. П. Чехов – прозаїк Попередники та наслідувачі Проблеми поетики та жанру

Частина перша

Проблема цикла в руской прозе конца XIX века. <i>Статья первая</i>	9
Особенности циклизации в прозе А. П. Чехова. Сборник-цикл «Хмурые люди». <i>Статья вторая</i>	22
К вопросу о жанровой природе повести А. П. Чехова «Степь».	38
Место романного замысла в жанровых исканиях А. П. Чехова.	54
О жанровой специфике художественного времени в поздних рассказах А. П. Чехова.	74
Проблема типології інтелектуально-ідеологічного роману І. С. Тургенєва.	96
Н. С. Лесков. «Сказ о тульском косом Левше и о стальной блохе».	102
Жанрова своєрідність ліричного оповідання І. О. Буніна «Легке дихання».	114

Драматургічне новаторство А. П. Чехова

Частина друга

Епізація драми: від О. М. Островського до А. П. Чехова.	131
Принципи епізації драми у творчості А. П. Чехова.	142

Динаміка оповідальних та драматургічних форм у творчості А. П. Чехова.	150
До питання про динаміку жанрових інтерпретацій п'єс А. П. Чехова.	158
Змістоутворююча роль хронотопу у п'єсах А. П. Чехова («Три сестри»).	166
П'єса «Лишак» як літературно-сценічний експеримент А. П. Чехова.	178
Место драматических «переделок» в жанровой эволюции А. П. Чехова.	183

«Фантазії у російському дусі на англійські теми»

Частина третя

Особливості драматургічного методу Бернарда Шоу («Пігмаліон»).	209
Своєрідність поезики ліричної замальовки Джеймса Джойса «Джакомо Джойс».	220
«Російська тема» у романі Дж. М. Кутзее «Осінь у Петербурзі».	232

А. П. Чехов — прозаїк.

Попередники

Частина перша

*«Чехов – это Пушкин в прозе ...
Чехов, как Пушкин, двинул вперёд форму, –
и это большая заслуга»*

Лев Толстой

Н. С. ЛЕСКОВ «СКАЗ О ТУЛЬСКОМ КОСОМ ЛЕВШЕ И О СТАЛЬНОЙ БЛОХЕ»

«За человека страшно!»

Одна из главных тем Н. С. Лескова – тема творческой одаренности людей из народа. Эти одаренные, талантливые люди – чудаки, противостоящие безликой серости будней. Писатель раскрывает трагизм судьбы народных талантов в России. В наиболее концентрированном, обобщенном плане эта тема раскрывается в «Сказе о тульском косом Левше и о стальной блохе» (1882). Это произведение чаще всего воспринимается как своего рода символ, даже эмблема творчества писателя. В произведениях Н. С. Лескова о народе изображение русской жизни всегда преломляется через особую фольклорную призму. Герои писателя по большей части говорят о себе сами. Поэтому над всеми другими способами повествования у него преобладает сказ, то есть повествование с установкой на устную речь.

Фольклорность многих произведений Н. С. Лескова, его пристрастие к рассказыванию «историй» и необыкновенных случаев восходит к гоголевской традиции. Художественный опыт Н. В. Гоголя он воспринял особенно глубоко. Н. С. Лескову, молодость которого прошла в Киеве, была близка и мила «малороссийская» стихия творчества Н. В. Гоголя и связанный с ней яркий праздничный колорит его украинских повестей, их сказочная атмосфера, погруженность в народное мировосприятие. Н. С. Лесков непосредственно продолжил и развил созданную Н. В. Гоголем сказовую форму повествования, так что в дальнейшем эта традиция выступает в русской литературе уже как традиция Н. В. Гоголя – Н. С. Лескова. В гоголевских «Вечерах на хуторе близ Диканьки» впервые появляется рассказчик из протонародной среды, у Н. С. Лескова народная Россия заговорила в полный голос без перевода.

При первой публикации «Левши» критики приняли это произведение за стенографическую запись истинного народного говора, за воспроизведение народной сказки. И современный

читатель живет с ощущением, что легенда о стальной блохе, подкованной тульским умельцем, была всегда. Однако и образ Левши, и сюжет сказа – это создание лесковской фантазии на основе одной лишь народной поговорки о том, что «туляки блоху подковали». А между тем многие современные писателю критики пытались найти прямые источники сюжета этого произведения в устном народном творчестве. Поэтому Н. С. Лескову пришлось выступить в печати против такого упрощенного понимания связи его сказа с фольклорной традицией: «Я весь этот рассказ сочинил в мае месяце прошлого года, и Левша есть лицо мною выдуманное» [1]. И в то же время глубинная, органическая связь этого произведения с фольклором очень существенна. Именно она определяет и сказовый стиль, и всю поэтику произведения

В основе сюжета сказа лежит характерный для народного эпоса мотив состязания, соперничества, борьбы, связанной с интересами всей нации, мотив состязания английских и русских мастеров. Эта тема смолоду была близка Н. С. Лескову, в семействе Шкотов, он слышал немало сопоставлений Англии и России в их быту, национальных навыках, чертах народного характера. Эта тема нашла свое воплощение в центральных для творчества Н. С. Лескова произведениях. В «Запечатленном ангеле» крепостной кузнец и неученый богомаз поражают своею работою крупнейших инженеров Великобритании; в «Очарованном страннике» природная одаренность беглого крепостного крестьянина Ивана Флягина превосходит науку и выучку в приручении диких лошадей англичанина Рарея. Но с наибольшей полнотой и неоднозначностью решения эта тема развита в «Левше».

Эта тема возникает в экспозиции сказа: в споре между царем Александром I и донским казаком Платовым. «И чуть если Платов заметит, что государь чем-нибудь иностранным очень заинтересуется, то провожатые молчат, а Платов сейчас скажет: так и так, и у нас дома свое не хуже есть, – и чем-нибудь ответит» [2, с. 266]. Платов стоит на том, что если русские мастера в чем-то и уступают англичанам, то только потому что у англичан каждый человек «все абсолютные обстоятельства перед собою имеет, и через то в нем совсем другой смысл» (272). Следует обратить

особое внимание на то, что писателя интересует не только результат состязания – кто кого, но и нечто другое: положение талантливого человека в России, его личная судьба, мера отпущенных ему жизненных возможностей для реализации его природной одаренности. В «Левше» акцентируются уже не столько могучие потенциальные возможности героя, воплощающего силы своего народа, сколько его трагическая судьба. Не случайно с момента выхода «Левши» из печати критики спорили о том, написал ли Н. С. Лесков апофеоз русскому народу или сатиру на него. Хорош Левша или плох? Смеется над ним автор или восхищается им? (Левша сумел английскую стальную блоху подковать, но она танцевать перестала, оказалась испорченной). Так англичане дураки или умные? Так автор за народ или против народа?

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо проанализировать не только событийную сторону произведения, но и его поэтику, его художественное своеобразие, специфику авторской оценки жизни через художественную деталь, особенности стиля и т.п.

Формально повествование в сказе ведет бывалый русский человек из народа казак Платов, повествование простодушное, детски наивное, почтительное по отношению к сильным мира сего. Сказ – особая форма речи, проводимая в духе и характере персонажа, от имени которого ведется повествование. Отсюда – специфически фольклорные приемы рассказывания: прибаутки, пословицы, просторечия, народная этимология и т.п. Вместе с тем в простодушно-наивное повествование народного героя постоянно врывается «тихая язвительность» автора, авторская точка зрения, несущая в себе сатирическую тенденцию сказа. Сатирической переоценке подвергаются прежде всего самые высокие особы – русские цари, «политики», которые во многом определяют судьбу главного героя – Левши.

Как и положено в эпосе, в сказе Н. С. Лескова действуют исторические лица. Среди них два русских царя – Александр I, победитель Наполеона, и сменивший его на троне Николай I, министры А. И. Чернышов, К. В. Нессельроде (в народной этимологии сказа Кисельвроде), П. А. Клейнмихель, атаман

донского войска М. И. Платов, комендант Петропавловской крепости И. Н. Скобелев и др. Однако истинными ревнителями славы России выступают не эти великие мира сего, а подковавшие английскую стальную блоху тульские мастера – Левша и его товарищи, «маленькие великие люди», которые, по мысли писателя, и вершат исторические судьбы страны. Н. С. Лесков так организует движение сюжета в своем сказе, что наиболее далекими от заботы об интересах России оказываются ее высшие правители, цари. Так, царь-победитель, Александр I, совершающий свое развлекательное путешествие по Европе, легко и бездумно поддается влиянию англичан, желающих его «чужестранностью пленить» и «от русских отвлечь».

Первая же фраза лесковского сказа создает эффект комического снижения образа российского монарха: «Когда император Александр Павлович окончил венский совет, то он захотел по Европе проездиться и в разных государствах чудес посмотреть» (266). «Невинное» просторечное выражение «проездиться» создает у читателя ощущение несерьезности намерений царя, порождает комический эффект. Доверчиво взирает царь на специально заготовленные диковины и с поразительной быстротой приходит к безапелляционному выводу, что «мы, русские, со своим значением никуда не годимся».

Увидев английские диковинки, Александр I «взахался ужасно. – Ах, ах, ах, – говорит». Усиленный последующими междометиями глагол «взахался» передает не только меру удивления царя, но и меру его потерянности, беспомощности, слабости, компрометирует героя. Восторженно принимая «коварный» подарок англичан – металлическую блоху, Александр I далек от того, чтобы подумать о возможности соперничества с ними в столь диковинном искусстве. Он капитулирует без борьбы. В своих отношениях с англичанами Александр I предстает как человек «безнатурный», легко управляемый чужой волей. Снижение личности русского императора достигается автором за счет соединения в одной фразе разных стилей, так, лаконично сообщается, что «у государя от военных дел сделалась меланхолия, и он захотел духовную исповедь иметь в Таганроге у попа Федота» (272). Ирония

выражения «сделалась меланхолия» не только подчеркивает слабость чувствительного царя, его женскую капризность, но и приоткрывает потаенную язвительную усмешку автора, компрометирующую высокую особу.

Более активное отношение к английской блохе проявляет новый русский император Николай I, вступивший на трон через «смятение». Однако эта активность диктуется мелкими личными побуждениями, жаждой самоутверждения, тщеславием, апломбом. Создавая образ Николая I, Н. С. Лесков использует принцип сатирического самораскрытия героя в слове. Как только рассказчик дает слово императору, личность его обретает карикатурные черты. Речь Николая I уснащена личными местоимениями, выдающими эгоистический характер его устремлений. Он тщеславно желает продемонстрировать свое превосходство над братом (Александром Павловичем).

Восторг Николая I при виде тульской работы (туляки смогли английскую стальную «нимфозорию» подковать) далек от патриотического воодушевления: «Видите я лучше всех знал, что мои русские меня не обманут» (285). Подкованная туляками блоха для царя – это не столько произведение народного искусства, сколько доказательство их верноподданнической ему преданности. Таким образом, Н. С. Лесков исподволь создает сатирически окрашенный образ царя (бахвальство, бравада, фанфаронство). И тот и другой монархи демонстрируют дурные крайности в отношении к своему и чужому. По логике сказа и то и другое «безрассудок».

Истинным сознанием своих возможностей и возможностей заморских мастеров Н. С. Лесков наделяет только тульских оружейников, которые вступают в состязание с англичанами. Именно они демонстрируют достоинство, твердость духа, сознание своей ответственности: «аглицкая нация тоже не глупая, а довольно даже хитрая, и искусство в ней с большим смыслом. Против нее, – говорят, – надо взяться подумавши и с Божьим благословением» (275). В таком повороте сюжета находит свое выражение излюбленная мысль писателя о «маленьких великих людях», которые, стоя в стороне от исторических событий, вершат исторические судьбы страны. Экспрессивное слово в сказе

Н. С. Лескова служит не только сатирическому снижению того или иного героя, но и его поэтическому возвеличению. В этом смысле особенно многозначительной является финальная фраза VI главы, выделяющаяся своей патетикой из общего «шутейного» тона повествования. Рассказчик, передавая обывательские слухи, будто тульские мастера, «набахвалили», а потом трусили и сбежали, решительно заявляет. «Однако такое предположение было тоже совершенно неосновательно и недостойно искусных людей, на которых теперь почивала надежда нации» (276). Высокие поэтические слова переключают читательское внимание на главных вершителей исторических событий.

В рассказ об этих простых людях вторгаются щемящие ноты горечи, тревоги, словно заимствованные из народных причитаний. Вот как передано в сказе появление Левши перед грозными очами государя, возможная немилость которого наводит ужас на всех: «Идет в чем был: в опорочках, одна штанина в сапоге, другая мотается, а озямчик старенький, крючочки не застегаются, порастеряны, а шиворот разорван; но ничего, не конфузится» (284).

В сказе Н. С. Лескова существуют два интонационных полюса: язвительная ирония по отношению к сильным мира сего и сердечная симпатия к простолюдинам. Левша в противоположность перепугавшемуся Платову не теряет голову от страха перед грозным императором, а рассуждает здраво и спокойно: «Что же такое? – думает. – Если государю угодно меня видеть, я должен идти, а если при мне тугамента нет, так я тому не причинен и скажу, отчего так дело было» (284). Это спокойствие и достоинство сохраняет он и в разговор с царем: «Вельможи ему кивают: дескать, не так говоришь! а он не понимает как надо придворному, с лестью или с хитростью, а говорит просто» (284).

Однако уважительное отношение писателя к тульским мастерам вовсе не исключает в сказе мягкой иронии по отношению к ним. Н. С. Лесков далек от идеализации народных возможностей, он трезво оценивает их. С этой точки зрения для понимания общего смысла сказа принципиально важно, что сам результат безотдышной самоотверженной и вдохновенной работы тульских мастеров таит в себе коварную двойственность

впечатления: им действительно удалось сотворить чудо – подковать «нимфозорию». Но превосходство их не абсолютно. Подкованная на глазок блоха не может более «дансе танцевать», «усовершенствованная» английская диковинка ока-зывается в то же время безнадежно испорченной.

В развитии сюжета этот прискорбный для русского престижа момент имеет определяющее значение для понимания общей концепции произведения. Как справедливо судят англичане, русские мастера, проявившие удивительное мастерство, «расчета силы» не знали, и Левша соглашается с этим: «Об этом, – говорит, – спору нет, что мы в науках не зашлись» (288). Так в изображении удивительной работы тульских мастеров, одновременно и возвышающей их над заморскими соперниками, и выявляющей их слабость, выражается мысль автора о русской непросвещенности, которая гнетет и сковывает силы и возможности народа.

Вопрос о том, что может русский человек, сразу влечет за собой в сказе Н. С. Лескова другие не менее важные вопросы: как этот человек живет, имеет ли он, подобно английским мастерам, «абсолютные обстоятельства» для развития своего таланта, как складывается его судьба. В этом отношении весьма характерна 8-я глава, посвященная возвращению Платова с Тихого Дона в Тулу. С Платовым едут «свистовые казаки», которые на протяжении всего пути «поливают» возницу ударами своих нагаек. «Эти меры побуждения действовали до того успешно, что нигде лошадей ни у одной станции нельзя было удержать, а всегда сто скачков мимо остановочного места перескакивали» (278). Используя прием утрирования и гиперболизации, Н. С. Лесков создает язвительный образ быстрой русской езды весьма далекий от гоголевской «птицы-тройки».

Все эти «мелочи» русской жизни: хитроумное сечение ямщиков, грубая платовская ругань в адрес тульских мастеров, едва не случившийся арест Левши, которого везут в Петербург в передке платовской кибитки, передают общий дух николаевского времени. Оскорбительно обращение Платова с Левшой, который должен предстать перед царем не как искусный мастер,

сделавший свою работу, а как заложник и ответчик, дабы было кому принять на себя монарший гнев.

Особенно велико значение «мелочей», художественных деталей в кульминационном эпизоде сказа, изображающем резкий и как будто счастливый перелом в судьбе Левши. Вопреки ожиданиям Платова, он принят и обласкан самим царем и по его приказу отправлен в Англию, где должен сам продемонстрировать блоху, подвергнутую «русскому пересмотру». Однако вопреки сказочной традиции Левшу не награждают ни большими дарами (вспомним, что Александр I отдал англичанам за блоху миллион), ни высоким чином (вспомним слова Александра I о том, что, найдись в России подобный мастер, он бы его сейчас благодарным сделал).

Левшу только «обмыли» во «всенародных» банях, остригли, одели в парадный кафтан, снятый с придворного певчего («для того, дабы похоже было, будто и на нем какой-нибудь жалованный чин есть») и повезли в Лондон. Едет он всю дорогу «не евши», затянув пояс как можно туже, «чтобы кишки с легкими не перемешались». Все эти «коварные детали», бытовые подробности сводят на нет милость царя. Во второй части сказа действие переносится в Англию – страну, где на все «другие правила жизни, науки и продовольствия». Чужеземная жизнь поразительно контрастна по отношению к фактам русской жизни. Так, например, «обформирование» Левши для отъезда за границу выглядит еще более сатирическим на фоне проводов, которые устроили ему англичане. «Его силой не удерживали: напитали, деньгами наградили, подарили ему на память золотые часы с трепетитором <...>. Очень тепло одели и отвезли Левшу на корабль, который в Россию шел, тут поместили Левшу в лучшем виде, как настоящего барина» (292). В отличие от соотечественников англичане проявляют трогательную заботу о человеке.

На внимании к «мелочам» строится и другой параллелизм ситуаций: поведение за границей Левши воскрешает в нашей памяти времяпрепровождение в Англии Александра I. Левша обращает внимание не на какие-либо «куншттюки», специально заготовленные англичанами, а на те самые «абсолютные обстоятельства», на которые безуспешно стремился обратить

внимание русского самодержца Платов: «*Всякий работник у них постоянно в сытости, одет не в обрывках, а на каждом способный тужурный жилет, обут в толстые щиглеты с железными набалдашниками, чтобы нигде ноги ни на что не напороть; работает не с бойлом, а с обучением и имеет себе понятия. Перед каждым на виду висит долбица умножения, а под рукою стирабельная дощечка*» (291).

Особенно насыщена многозначительными подробностями последняя часть сказа, где описывают злоключения Левши на родине, куда он так рвался, и его трагический конец. Сам автор считал финал лучшей частью этого своего произведения. Насыщенные горестными подробностями гибели Левши последние главы повести еще более настойчиво обращают внимание читателя на проблему положения личности в России, где «за человека страшно».

«Сюрпризы» русской жизни, их враждебность человеку проступают особенно явственно на фоне тех забот, которыми окружен в посольском доме английский «полшкипер», приехавший в Россию на одном пароходе с Левшой и подружившийся с ним.

В то самое время, когда в посольском доме выхаживали англичанина, Левшу свалили в полицейском квартале на пол, невзирая на его нездоровье, учинили ему поспешный допрос: «Тогда его сейчас обыскали, пестрое платье с него сняли и часы с трепетитором, и деньги обрала, а самого пристав велел на встречном извозчике бесплатно в больницу отправить» (294). Именно язык «мелочей», деталей выдает крайнее неблагополучие общего состояния русской жизни, порождающее человеческие драмы. Так, некогда Платов повез Левшу в Петербург без «тугамента» (паспорта). Товарищи Левши попробовали было предотвратить оплошность: «А Платов им вместо ответа показал кулак – такой страшный, бугровый и весь изрубленный, кое-как сросся, – и, погрозивши, говорит: „Вот вам тугамент!“» (281).

По возвращении Левши из Англии отсутствие паспорта многое определяет в его дальнейшей судьбе. Именно по этой причине его мытарства оказались особенно горькими. «Привезли в одну больницу – не принимают без тугамента, привезли в

другую – и там не принимают, и так в третью, и в четвертую – до самого утра его по всем отдаленным кривопуткам таскали и все пересаживали, так что он весь избился» (295). К финалу меняется интонационное звучание сказа: теряя былой комизм, он приобретает высокое трагедийное звучание. «Смех», как это обычно бывает в произведениях Н. С. Лескова, уступает место «горю». Талантливый мастер, артист своего дела, человек простой и чистой души, преданный отечеству, умирает всеми забытый в коридоре «Обухвинской» больницы для бедных.

Такое завершение сюжета усиливает звучание гуманистической темы сказа – трагической судьбы талантливого человека в России. «За человека страшно!», – не раз повторяет Н. С. Лесков в своих сочинениях и письмах слова из русского перевода шекспировского «Гамлета», в свое время горячо воспринятые В. Г. Белинским. Так «анекдот» о стальной блохе, рассказанный Н. С. Лесковым, включается в общее русло русской духовной проблематики.

Мысль о незащитности в России талантливой личности была одна из самых горьких и неотступных дум писателя. О трагической судьбе крепостных артистов рассказывает Н. С. Лесков в одном из своих наиболее известных и сильных рассказов «Тупейный художник» (1883). Однако общая концепция сказа о «Левше», несмотря на скорбный финал, оптимистична. Секрет этого оптимизма – в авторском осмыслении личности Левши, ее творческих и нравственных ресурсов.

Как ни тяжело Левше выдерживать «сюрпризы» русской жизни, даже и в этих обстоятельствах он не только проявляет удивительную дерзость воображения и фантастическую одержимость работой, но и нравственную крепость, истинное чувство собственного достоинства, чистоту патриотического чувства. До последних минут своей жизни Левша сосредоточен на мысли не о своём возможном спасении, а на том выведенном у англичан военном секрете, который может сослужить службу России. Заканчивая свой рассказ о его судьбе, повествователь замечает, что если последние слова Левши были бы доведены в свое время до государя, то «в Крыму на войне, с неприятелем совсем бы другой оборот был» (298). Народная легенда связывает

поражение России в Крымской войне (1855 – 1856) именно с тем, что никто тогда не внял голосу Левши. В этом наивном высказывании воплощается вера народа в неизбывные силы простых людей, на преданности которых своему отечеству покоится благо России. Эту веру разделяет и сам Н. С. Лесков, бережно воссоздавший в сказе склад народного самосознания. Левша воплощает нравственный идеал народа и олицетворяет собою русский народ. В великом богатстве духовных и творческих возможностей простых людей Н. С. Лесков и черпал свою веру в будущее, веру которой и проникнут его сказ о Левше. Произведение соединяет в себе «и бездну безудержной, напропалую рвущейся весёлости, и бездну последней серьёзности, что на грани смерти. И всё это вместе <...>», вывело „Левшу” из ряда побасёнок и баснословий и поставило на стрежень русской духовной проблематики» [3, с. 162].

Стиль прозы Н. С. Лескова, глубоко народный по своим истокам, занимает особенное место в русской литературе XIX века. Писатель отличается особым мастерством языка. Л. Н. Толстой говорил о Н. С. Лескове: «Язык он знал чудесно, до фокусов» [4, с. 123]. На фоне творчества русских писателей – классиков второй половины XIX века он выглядел «вычурным», склонным к языковой «чрезмерности», «эксцентричности». «При этом имеется в виду не стиль вообще, а прежде всего именно язык – то есть самый словесный состав, самый словарь его произведений» [5, с. 237]. Н. С. Лесков первым ввел в официальный оборот большой профессиональной литературы это фольклорное слово – «сказ». Подзаголовок «Левши» ныне выглядит как исходный пункт, как манифест. В «Левше» автор сгущает характерно народную речь до каламбура, используя прием так называемой народной этимологии: приспособление чужого слова к народному его пониманию (микроскоп – мелкоскоп, фельетон – клеветон и т.п.).

Словотворчество Н. С. Лескова в «Левше» остроумно и искристо: классическими стали «долбиза умножения» и «тугомент», «буреметр» и «пубель». Знаменитые неологизмы из «Левши» – «Аболон полведерский» и «Твердиземное море», «междуусобные разговоры» и «двухсестная карета». Все это

проявление сказовой интонации, сказового стиля, сказывания; стиль устной речи, идущей из уст «низового героя». Видимо, в сказе совершалось для Н. С. Лескова наиболее полное самораскрытие, самое тесное сближение «поэзии и правды» (по словам Й. В. Гете), жизни и художества. Оригинальная сказовая манера писателя активно воздействовала на русский литературный процесс, повлияла на создание новых форм русской прозы на рубеже XIX и XX веков и в XX веке. Традиции сказовой манеры повествования будут развивать Андрей Белый, А. М. Ремизов, Е. И. Замятин, А. П. Платонов, М. М. Зощенко, П. П. Бажов и др.

1. Лесков Н. С. Ещё раз о Левше. // Новое время. – 1882. – № 2256.

2. Лесков Н. С. Сказ о тульском косом Левше и о стальной блохе // Лесков Н. С. Повести и рассказы. – Л. : Художественная литература, 1972. – С. 266–298. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы в круглых скобках.

3. Аннинский Л. А. Лесковское ожерелье. – М. : Книга, 1982. – 304 с. – С. 189.

4. Горький М. Лев Толстой // Горький М. Собрание сочинений: В 16 т. – Т. 16. – М. : Правда, 1979. – С. 87 – 135.

5. Эйхенбаум Б. М. «Чрезмерный» писатель (К 100-летию рождения Н. Лескова) // Эйхенбаум Б. М. О прозе. О поэзии : Сборник статей / Сост. О. Эйхенбаум. – Л. : Художественная литература, 1986. – 456 с. – С. 237 – 254.

